

ИЛЬГАР САФАТ

ЧЕХОВСКОЕ РУЖЬЕ

Пьеса

*«Существует нечто, перед чем
отступают и безразличие созвездий,
и вечный шепот волн, –
деяния человека, отнимающего
у смерти ее добычу».*

Древнеегипетский текст

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

РЕЖИССЕР
ЖЕНА РЕЖИССЕРА
ЧЕХОВ
РЕПОРТЕР
ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА
МОЛОДОЙ АРТИСТ
ПОЛИЦЕЙСКИЙ
ДИРЕКТОР ТЕАТРА
УБОРЩИЦА
ШЕКСПИР
БЕККЕТ
АНУБИС

СЦЕНА 1

*На театральной сцене появляются два человека: Режиссер и Репортер.
Садятся за столик среди груды реквизита.*

РЕПОРТЕР. Почему вы назначили встречу именно здесь? На сцене! Тут как-то неуютно и – сыро. (*Чихает.*)

РЕЖИССЕР. А вы – против? Будьте здоровы! Вам здесь не нравится?

РЕПОРТЕР. Благодарю. (*Достает платок.*) Немного жутковато. Темно. (*Смор-
кается.*) Того и гляди, накинется какой-нибудь Калибан.

РЕЖИССЕР. Вы правы. Сцена – магическое пространство. Сейчас здесь тихо. Но скоро начнется спектакль. И все оживет.

РЕПОРТЕР. Вы хотели сказать: «пустое пространство»?!

РЕЖИССЕР. Да, да, есть такая книга. Питер Брук. Но мне больше нравится, как описывает сценическое пространство Антон Павлович Чехов: *(После паузы.)* «...черная бездонная яма, точно могила, в которой прячется сама смерть...»

*В ворохе реквизита начинают бить часы с кукушкой.
Кукушка хрипло отсчитывает время. В какой-то момент застревает в окошке.*

РЕПОРТЕР *(озираясь)*. Вы задались целью меня попугать? Не удастся! Я, в силу своей профессии...

РЕЖИССЕР *(перебивая)*. Что вы? Я и не думал пугать вас!

РЕПОРТЕР. Тогда почему мы здесь?

РЕЖИССЕР. Видите ли, в чем дело? Сцена – это все, что у меня есть. Пусть это не прозвучит пафосно, но только сцена вносит в мою жизнь какой-то смысл. Хотя... *(После паузы.)* Если честно, смысла этого все равно недостаточно для того, чтобы жить. Но здесь я, по крайней мере, не так одинок, здесь я не чувствую себя... тенью. Понимаете, о чем я?

РЕПОРТЕР *(убирает платок)*. Конечно, я вас понимаю – театр, сцена! Тут вы в своей стихии! Вы – демиург! Ну, а мне, если честно, было бы уютнее в каком-нибудь тихом кафе. Под солнцем. Среди людей. Вы смеетесь?

РЕЖИССЕР. И не думал! Вам комфортно среди людей. Мне – среди призраков. У каждого своя компания.

*Репортер брезгливо озирается по сторонам. Прислушивается.
Внутри хлама слышится какое-то юркое копошение и писк.*

РЕПОРТЕР. Здесь, наверное, полно крыс!

РЕЖИССЕР. Крысы? Конечно, крысы наши музы! Без них театр мертв! *(Меняется в лице)* Но не будьте так капризны! Впервые встречаю такого щепетильного щелкопера! Ведь вы, как уличные девки, идете, куда вас поведут!

РЕПОРТЕР. Что вы хотите этим сказать? Я не понимаю!

РЕЖИССЕР. Не обижайтесь! Это я фигурально!

РЕПОРТЕР. «Фигурально»? Гмм. Однако.

РЕЖИССЕР. Мы с вами существуем только рядом с каким-нибудь событием, лишь благодаря нашим персонажам! Вы – как журналист, я – как режиссер! Такова наша профессия или, лучше сказать – наша природа! Ни вас, ни меня – нас, самих по себе, попросту не существует!

РЕПОРТЕР. Говорите за себя одного. Апч-хи!

РЕЖИССЕР. Вот я вам лучше налью рюмочку коньяка. Чтобы согреться.

*Режиссер достает из бутафорского шкафа графин и рюмку.
Делает вид, будто что-то в нее наливает. Передает рюмку Репортеру.*

РЕПОРТЕР. Благодарю. И правда очень сыро.

*Репортер берет рюмку. Хочет из нее выпить.
Но содержимое из рюмки не вытекает. Он с изумлением смотрит на Режиссера.*

РЕЖИССЕР *(смеется)*. Это театр! Нельзя быть таким простаком! Ха-ха! Реквизит!

*Репортер раздраженно ставит бутафорскую рюмку на столик.
Отворачивается. Втягивает голову в плечи.*

РЕЖИССЕР. Ну хватит дуться! Я ведь пошутил! Пошутил! Вот, это уже по-честному! Без дураков! Чтобы согреться! Глотните!

*Режиссер достает из внутреннего кармана фляжку.
Наливает коньяк в рюмочку-крышку. Протягивает ее Репортеру.*

РЕПОРТЕР. Нет, благодарю! Давайте начнем! Я не намерен торчать тут весь вечер! Скоро начнет собираться публика! У нас мало времени!

РЕЖИССЕР. Ну, как хотите. А я выпью. *(Выпивает.)*

*Репортер достает диктофон. Ставит перед Режиссером на столик. Включает.
Режиссер выпивает из фляжки. Прячет ее в карман.*

РЕПОРТЕР. Весьма странная идея – дать интервью за кулисами перед спектаклем! Вас это не отвлекает от работы? Все-таки Чехов, «Иванов»! Вы разве не должны настроиться, повторить текст с артистами? Обычно театральные люди неохотно общаются с прессой перед выходом на сцену!

РЕЖИССЕР. Вы правы! Считайте, что это наша дань театру, как таковому. Дань сцене. Театр – это мышеловка. В нее попадают не только люди. И грань тонка: где призрак, где человек? Не разобрать! Сплошная путаница!

РЕПОРТЕР. Все так беспросветно? И нас ничто не избавит от этой путаницы?

РЕЖИССЕР. Могли бы, конечно, помочь женщины. Но женщины устали. А когда они устают, все к чертям собачьим рушится! Мир останавливается! Рвется пуповина, и человек абортируется в абсурд! Понимаешь, приятель, о чем я? *(Неприятно смеется)*

РЕПОРТЕР. Звучит устрашающе. Вы действительно в это верите?

РЕЖИССЕР. Иначе я не стал бы об этом говорить!

РЕПОРТЕР *(с иронией)*. Боюсь, мы не сможем проверить истинность вашей теории. Наши женщины никогда не устанут. Это выглядит слишком фантастично.

РЕЖИССЕР. Как вы наивны, молодой человек! К современным женщинам нужно приставлять полицейских, чтобы они занимались своими детьми! Разве так обстояло дело лет двадцать тому назад? Что будет дальше?

РЕПОРТЕР. И все-таки, вы сгущаете краски. Но почему «Медя»? Ведь вы решили взяться за Еврипида, насколько мне известно?! Не связано ли это с вашей недавней... с той трагедией...

РЕЖИССЕР. Притормози, дружище! Ты суешь нос слишком глубоко!

РЕПОРТЕР. Что вас так взбесило? Я еще и спросить ничего не успел!

РЕЖИССЕР. Для грязной газетенки, с которой ты кормишься, это, конечно, в порядке вещей, но в другом месте за подобные вопросы тебе набили бы морду! Усек?!

РЕПОРТЕР. Но нашим читателям интересно знать...

РЕЖИССЕР. Плевать мне и на тебя, и на твоих читателей. Смени пластинку.

РЕПОРТЕР. Может быть, трагедия была спровоцирована предродовой депрессией? Психологи давно подметили тот факт, что...

*Но закончить фразу Репортер не успевает. Режиссер внезапно бросается на него.
Ударом в челюсть сбивает Репортера на пол.*

РЕЖИССЕР. Заткни свою пасть! Гнида!

Режиссер и Репортер падают, катаются по полу.

РЕПОРТЕР. Да вы пьяны! Маньяк, ты мне выбил зуб! Отпусти меня! Идиот!

*Режиссер пытается Репортера задушить, но тот вырывается.
Вскакивает на ноги. Хватает со стола диктофон.*

РЕПОРТЕР. Не думай, что все это сойдет тебе с рук! У меня все записано! Встретимся в суде! Псих!

Репортер убегает. Режиссер начинает смеяться.

СЦЕНА 2

Режиссер катается по сцене. Смеется. Из-за декораций выходит Чехов. На нем серый плащ, шляпа и знаменитое пенсне. В темном углу сцены появляется Шекспир, он одет по моде елизаветинской эпохи. Из противоположного угла выглядывает Беккет – сутуловатая фигура в костюме и водолазке. Режиссер их не замечает.

БЕККЕТ. Что нам с ним делать? Пьяная рожа.

ЧЕХОВ. Он страдает. Одышка. Печень. Подагра.

ШЕКСПИР. Не он один. Мы все страдаем. *(После паузы.)* Мы для богов, что мухи для мальчишек, себе в забаву дают нас они...

БЕККЕТ. Разлегся в этой тесной коробке и счастлив. Только безумцы могут любить этот выморочный мир, где все ненастоящее.

ЧЕХОВ. Черная бездонная яма, точно могила, в которой прячется сама смерть! Брр! Холодно! Из залы дует, как из каминной трубы! Вот где самое настоящее место духов вызывать! Жутко, черт побери!

*Чехов ежится, поднимает воротник плаща, глубже натягивает шляпу.
Заметив Чехова, Шекспира и Беккета, Режиссер начинает смеяться еще громче.
От его смеха призраки шарахаются в темноту.*

РЕЖИССЕР. Вот, принесла нелегкая! А я уж думал, что сегодня обойдусь без ваших кислых рож! Хотя бы здесь могли бы не притворяться!

ШЕКСПИР. О том мы плачем, что пришли на сцену всемирного театра дураков...

БЕККЕТ. Пошли отсюда. Он не в себе. О чем с ним говорить? Кретин!

*Режиссер снимает с ноги ботинок, бросает его в Беккета, однако промахивается.
В последний раз прыскает от смеха и перестает смеяться.*

Шекспир и Беккет исчезают с недовольными гримасами на лицах.

Чехов поднимает ботинок, приближается к Режиссеру.

ЧЕХОВ. А я, пожалуй, задержусь! Однажды, я помню, ты ставил «Чайку»! И мне понравилось, как ты увидел мой сон далекий! А сегодня решил потрясти мир моим «Ивановым»?! Любопытно!

*Режиссер встает. Отряхивает пыль со штанины.
Выхватывает у Чехова из рук ботинок. Отходит в сторону.*

РЕЖИССЕР. Да, пьесы, пьесы, пьесы – пучки далеких снов!

ЧЕХОВ. Однако что с тобой? Лютер бросал в своего черта чернильницей! А ты прогоняешь нас вонючим ботинком! Мелковато!

РЕЖИССЕР. Большого вы не заслуживаете! Вас мокрой тряпкой нужно гнать!

Режиссер присаживается на сундук. Надевает ботинок.

ЧЕХОВ. Слушай, а ты часом не сходишь ли с ума? А, Homo Ludens¹? Симптомы налицо!

РЕЖИССЕР (*сквозь смех*). Еще бы, если я разговариваю с тенью Чехова! Какие еще нужны симптомы?!

ЧЕХОВ. Ну почему сразу «с тенью»? Это не очень любезно с твоей стороны! Никто не знает, какой мы природы: кто из нас «тьень», кто «свет»? Это все очень спорно! Все относительно!

РЕЖИССЕР. Свет, тень! Один черт!

ЧЕХОВ. Не чертыхайся! Накличешь! Вломится рогатый!

РЕЖИССЕР. Ты сам рогатый черт, чего же ты боишься? Ха-ха! Под шляпой что, рога? А ну-ка признавайся! Хотя в театре возможно все!

Чехов поглубже надевает шляпу. Отходит от Режиссера.

ЧЕХОВ. Ты прав. Но ведь ты не можешь жить без театра. Ты им отравлен. Ты не находишь связи с миром. От людей ты ушел, а к призракам вроде меня примкнуть боишься!

РЕЖИССЕР. Разве можно обвинять человека в том, что он утратил связь с миром?! Рано или поздно все эту связь теряют! Разве не так?

ЧЕХОВ. Обвинять, пожалуй, не стоит, а вот лечить надо бы! Это я тебе как доктор говорю! Лечись, дружище, пока не поздно!

РЕЖИССЕР. Помню я «Палату №6»! Ты сам едва в нее не угодил! А теперь меня с ума сводишь! Но то, чем болен я, не лечится! Разве что – веревкой! (*Прыскает от смеха.*) А что, это было бы забавно! Как ты думаешь?! Забилась публика! Открывается занавес! И вот! Висит над сценой режиссер! Это многих обрадует! Сорвем аплодисменты!

ЧЕХОВ. Веревкой? Фу, как ты банален! Веревка – это неинтересно! Есть более эффектные способы прервать комедию! (*Срывается на крик.*) Перестань ерничать! Шут гороховый!

Чехов достает из груди реквизита бутафорское ружье. Протягивает его Режиссеру.

ЧЕХОВ. Оно заряжено! Прострели себе голову! Много крови, много грязи на полу от твоих грязных мозгов! Шум! Это, по крайней мере, весело!

РЕЖИССЕР. Ты издеваешься?! Это муляж!

Режиссер берет из рук Чехова ружье. Рассматривает его.

¹Homo Ludens (лат.) – буквально «человек-игрок». Наиболее полная социологическая проработка термина содержится в работе Иоганна Гуизинги («Homo ludens», 1944)

ЧЕХОВ. Раз в год и муляж стреляет! Разве ты этого не знаешь?

РЕЖИССЕР. Ты что, ведешь меня к самоубийству?! Вот чего ты добиваешься, гадина, дьявольское отродье! Наконец-то я тебя раскусил!

ЧЕХОВ. Расслабься! Я пошутил!

РЕЖИССЕР. Твои шутки меня достали! Бес!

ЧЕХОВ. А ведь раньше тебе нравился мой юмор! Тонкий «чеховский» юмор!

РЕЖИССЕР. А ты не просто бес, ты к тому же еще и глупый бес, если думаешь, что я терзаюсь из-за каких-то пьесок! Да мне на них наплевать! Как, впрочем, и на тебя, мятая ты шляпа!

ЧЕХОВ. Все равно ты не в себе! Ну, зачем ты набросился на этого несчастного репортеришку? Нажил себе еще одного врага! Мало их у тебя?! Чудак! Теперь он напишет о тебе какую-нибудь гадость! Разве ты не знаешь, как мстительны эти мелкие люди!

РЕЖИССЕР. Отвали! Ты начинаешь мне надоедать! *(После паузы.)* Пробить бы твою мутную башку!

*Режиссер целится в Чехова. Тот театрально закрывает лицо руками.
За сценой слышатся шаги и голоса.*

ЧЕХОВ. А вот и твоя протезе! Актриса она, конечно, никакая, но как таракашка – весьма аппетитненькая! Поздравляю! *(После паузы.)* Но с кем это она? Ах, все понятно! Твоя протезе и ее юный обожатель! Узнаю театральные нравы! Будь осторожен, мой друг! Не дай себя одурачить!

*Чехов скрывается за реквизитом. РЕЖИССЕР прячется за стулом.
Прижимает к груди ружье. Всматривается в темноту.*

СЦЕНА 3

На сцену из-за кулис вваливаются Знаменитая Актриса и Молодой Артист. Они жарко обнимаются, целуют друг друга.

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Наконец-то мы одни! Это невыносимо! Ты сводишь меня с ума! Иди ко мне!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Какой ты пылкий! Ненасытный! Но мы должны быть осторожны! Повсюду одни шпионы! Нас могут увидеть!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Плевать! Кого ты боишься?! Этого алкоголика? Я набью ему морду!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. И тебя тут же вышвырнут из театра! Не конфликтуй с ним! Он – знаменитость! О, перестань! Не здесь, не сейчас!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Мне плевать на эту знаменитость! Я пересчитаю ребра этой знаменитости! Забудет и про тебя, и про свою жалкую за...!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. О, милый! Да ты просто лев! Командор!

Актриса замечает Режиссера, лежащего на полу. Вскрикивает.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. А! Кто здесь?

*Актриса отталкивает Молодого Артиста, поправляет задранное платье.
Артист испуганно пятится, прячется за реквизитом.*

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Милый? Это ты? Что с тобой? Почему ты лежишь на полу? С тобой все в порядке?!

ЧЕХОВ. Глупо. Напился, старый дуралей, и сам не знает с какой радости... Если здоровья не жаль, то хотя бы старость-то свою пощади, Шут Иваныч...

РЕЖИССЕР. Все в порядке, дорогая. Я общался с прессой!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ах, это был ты? Теперь все понятно! Я слышала крики, вопли, смех! Что случилось? Это было похоже на пожар на птицеферме!

РЕЖИССЕР. Ничего особенного. Мы говорили о моих творческих планах. Обычный треп.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ты рассказал ему про «Медею»? И про то, кто будет играть у тебя главную роль?

РЕЖИССЕР. Не успел. Мы отвлеклись на философские темы.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. А почему у тебя в руках ружье? Что ты с ним собираешься делать?

РЕЖИССЕР. Ах, ружье! Да, ты права! Ружье! Этим ружьем, моя дорогая, я отстреливаюсь от призраков! (*Ищет глазами Чехова.*) Их тут очень много! Признаться, я даже не уверен, что и ты – настоящая!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Перестань! Ты окончательно спятил!

РЕЖИССЕР. Мне обязательно выслушивать эту фразу каждые пять минут?!

Режиссер отбрасывает ружье. Наливает рюмку. Выпивает.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Боже мой, в такую рань! Раньше ты себе этого не позволял!

РЕЖИССЕР. Ситуация должна усугубляться, моя прелесть! Это закон драматургии! Все становится только хуже! Как в жизни!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Перестань разыгрывать из себя Скотта Фицджеральда!

ЧЕХОВ. Невелика штука пить – пить и лошадь умеет...

РЕЖИССЕР. Дорогая, ты же знаешь, я предпочитаю Чехова!

Режиссер тянется к ружью, но Чехов прячется.

Затем тихо подкрадывается, перекладывает ружье в другое место.

ЧЕХОВ (*выглядывает*). Польщен!

РЕЖИССЕР. Правда, у Чехова был талант! А я – пустое место! Старый башмак!

ЧЕХОВ. Где талант, там нет старости... Какой ты башмак? Выжатый лимон, сосулька, ржавый гвоздь, старая театральная крыса...

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. И Чехов не был пьяницей! Возьми себя в руки, если ты не хочешь, чтобы о твоей болезни узнал весь мир!

РЕЖИССЕР. Bravo! Прежде ты никогда так умно не выражалась! Что произошло? У тебя новый любовник? Не этот ли молодой человек, что прячется за шкафом? Эй, любезный! Вылезай оттуда!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Паец! Это же наш молодой артист! Ты его не узнаешь? Я как раз...

*Молодой Артист приближается к Режиссеру, протягивает ему руку.
Режиссер хватается за нее, хочет подняться на ноги,
но Молодой Артист его не удерживает, и Режиссер опрокидывается на пол.
По-пластунски отползает в сторону.*

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Для меня большая честь служить в вашем театре! И вообще, я ваш поклонник! Для меня после Чехова существуете только вы! Я вырос на ваших спектаклях!

*Из-за реквизита снова появляется Чехов. Садится в кресло-качалку.
Режиссер подползает к креслу. Размещается у ног Чехова.*

ЧЕХОВ. Видишь, как высоко тебя вознесли! Не закружилась бы голова! Ну, ответь пареньку, будь любезен, от тебя не убудет! Сноб!

*Чехов, как собачонку, поглаживает Режиссера по голове,
но тот яростно отстраняет его руку.*

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Я хотел с вами кое-что обсудить, но могу прийти и в другой раз!

РЕЖИССЕР. Отвали! (Чехову.) А ты не вмешивайся! Достал своими наставлениями!

*Актриса и Молодой Артист недоуменно переглядываются. Дух Чехова им не виден.
За спиной Режиссера они обмениваются взглядами.*

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА (Режиссеру). Что с тобой? С кем это ты разговариваешь? Дорогой! Ты непременно свихнешься, если не прекратишь пить!

*Актриса подходит к Режиссеру. Режиссер берет ее за щиколотку.
Засовывает голову Актрисе под юбку.*

РЕЖИССЕР. Что это? У меня белая горячка, или у тебя под юбкой прячется песок?! Боже мой! Да у тебя здесь завелся кинокефал!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ну, перестань! Здесь люди! Шалунишка!(Отстраняется.) Это Анубис! Египетский бог!

ЧЕХОВ. Египетский бог с головой шакала! Проводник в загробный мир!

РЕЖИССЕР (Чехову). Спасибо, что просветил!

Режиссер на секунду высовывается, но, обратившись к Чехову, снова засовывает голову под юбку. Актриса смеется, как от щекотки.

РЕЖИССЕР (Актрисе). Ану-бис? Анубис, как мило! Не слишком ли много нечисти на одном крохотном тельце? А почему он такой мокрый?

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Что ты мелешь? Тебе нравится моя татуировка?
РЕЖИССЕР. Разве я сказал, что она мне нравится? Я рассматриваю не ее!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Старый пошляк! И ворчун! А по-моему, это симпатично!
Вот, смотри!

*Актриса поднимает юбку. Показывает Режиссеру татуировку чуть выше ягодиц.
Чехов перестает раскачиваться в кресле-качалке.*

ЧЕХОВ (*поправляет пенсне*). Однако.

*Режиссер поднимается на ноги. Отряхивается. Подходит к Актрисе.
Обнимает ее за талию. Целует.*

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. У меня есть еще одна, но она не для всех! Об этом – молчок!

*Актриса с трудом высвобождается из его объятий.
Прячется за спиной Молодого Артиста.*

РЕЖИССЕР. Да, я помню! Наверняка и наш юнец ее уже видел! Но почему Ану-бис? Ты возомнила себя Клеопатрой?!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ты ничего не помнишь! Неужели ты ничего не помнишь?! А ведь это ты рассказывал мне об Анубисе! Это память о Египте! О нашем Египте!

РЕЖИССЕР. О Египте? Не припоминаю!

ЧЕХОВ. Всю жизнь мечтал побывать в Египте! Не случилось! На Сахалине мерз, а вот до Египта так и не добрался!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Мы были там на гастролях, кажется, с твоей «Чайкой». Я играла Нину Заречную. Все прошло замечательно! А на следующий день нас повезли на экскурсию к Сфинксу и пирамидам! И там я встретила человека... Не знаю, что на меня нашло! Мы отошли к каким-то расписанным развалинам! И начали целоваться! Разумеется, кто-то поспешил рассказать об этом тебе! Ты нас подловил! Бурно отреагировал, приревновал, хотя это не был мужчина!

РЕЖИССЕР. Теперь припоминаю! Это была переводчица из Каира!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ее звали Амаль! Красавица с миндалевидными глазами, как на фресках! Да! И вот тогда, застав нас с Амаль врасплох, ты заметил на одной из фресок Анубиса! И потом долго его рассматривал! До тех пор, пока нам не стали сигналить из автобуса! Про нас с Амаль ты уже забыл! Так тебе понравился тот Ану-бис! На обратном пути ты только про него всю дорогу и говорил!

РЕЖИССЕР. Да, теперь я вспомнил эту историю! Тогда, в Египте, у меня было такое чувство, будто я встретил друга детства! Тот Анубис вернул мне все мои детские страхи!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Интересная новость! Ты никогда мне об этом не рассказывал! Но я всегда знала, что у тебя имеется скелет в шкафу!

РЕЖИССЕР. Вот как?! А мне казалось, что ты далека от рефлексий!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ты вообще невысокого мнения о женщинах! И в этом твоя проблема! Ну так что же это были за страхи?!

РЕЖИССЕР. Это грустная история, но если ты настаиваешь, я тебе расскажу...

*Чехов встает с кресла-качалки. Отходит вглубь сцены.
Случайно задевает жестяной лист, имитирующий раскат грома. Свет гаснет.*

СЦЕНА 4

Луч света выхватывает фрагмент декорации. Разобранные манекены выглядывают из-под сваленного хлама фрагментами пластмассовых тел. Призрачные очертания предметов создают впечатление чего-то среднего между детской комнатой и палатой психиатрической лечебницы.

РЕЖИССЕР. Это мой «детский кошмар», и начался он тогда, когда я просто... перестал спать. Просто перестал спать. Совсем. Ни днем, ни ночью. Это было страшно. Я не мог ничего объяснить родителям, и сам не понимал, что со мной происходит, чего я боюсь... Почему меня пугают зеркала и закрытые шторы... почему наводят ужас неплотно закрытые двери в кладовку...

Режиссер садится на корточки рядом с детской кроватью. На кровати лежит альбом с иллюстрациями. Режиссер начинает его листать.

РЕЖИССЕР. Ночи напролет я сидел у себя в комнате, не зная, чем себя занять, я читал книгу за книгой и прочитал тогда, наверное, всю мировую классику. Я убегал в воображаемые миры, они казались мне более реальными и не такими опасными, как пространство моей детской комнаты. Но вот однажды, на свою беду, я взялся за египетскую «Книгу Мертвых». Это было хорошо иллюстрированное издание, и я подолгу разглядывал замысловатые иероглифы и потускневшие фрески древних гробниц. И вдруг я поймал себя на мысли, что я с кем-то тихо разговариваю, перешепываюсь с чьей-то тенью, стоящей в темном углу комнаты. Это был широкоплечий юноша, и когда он приблизился ко мне, я вдруг разглядел, что вместо головы над его широкими плечами возвышается пасть шакала. Почти сразу я догадался, что это был Анубис из «Книги Мертвых»...

*На сцену из шкафа выходит Анубис. На нем чеховский плащ.
На голове шакала шляпа и поблескивающее пенсне.*

РЕЖИССЕР. Анубис стал часто приходиться ко мне по ночам, и я могу с уверенностью сказать, что мы с ним подружились... Других друзей у меня не было... Да и теперь, по прошествии стольких лет, не появилось! Думаю, что уже и не появится! Разумеется, такая дружба не могла не сказаться на моей психике...

Анубис подходит к кровати, у которой сидит Режиссер. Достает из-под подушки большой кухонный нож. Вертит его в руке. Режиссер оставляет альбом на кровати. Встает на ноги. Отходит в сторону.

РЕЖИССЕР. Я был уверен, что время, как кислота, растворило всех демонов

прошлого. Я сделал все, чтобы забыть о травме, пережитой в детстве. Спрятал свои страхи на дне души и был уверен, что никогда больше на этом дне не окажусь. Но когда я... потерял семью... я опять упал на самое дно, призраки пробудились и набросились на меня с новой силой. Я снова встретился с самим собой, увидел того маленького мальчика, отвергнутого всем миром, единственным другом которого была широкоплечая тень с головой шакала. Это было настоящее помешательство...

АНУБИС. Мальчик проблемный, надо лечить!

Анубис берет в руки подушку. Распарывает ее ножом и вытаскивает из подушки венецианскую маску с удлинённым носом. Бросает маску на пол. Режиссер поднимает маску. Кладет ее в кучу реквизита.

РЕЖИССЕР. До шестнадцати лет я жил в своем персональном аду, о котором никто не подозревал. Никаких внешних проявлений. Нормальный, активный ребенок. Но у меня вдруг появилось желание... быть сумасшедшим... Я начал в это играть и потерялся, перестал видеть, где игра, а где уже нет. Где театр, а где жизнь. Заигрался. Меня очень влекло безумие. Я мечтал скрыться за патологией, за болезнью, хотел стать невидимым для мира взрослых, хотел стать неуязвимым... Или, возможно, я просто не хотел взрослеть! Будучи совершенно здоровым, я умудрялся внушать профессорам психиатрии, что болен. И они верили. Я был настолько убедителен, что ни один врач, который шел со мной на беседу, в результате не сомневался, что я не в себе. Но был один доктор, который догадывался, что я «вытворяю», и он решил меня остановить...

АНУБИС. Ты у меня самый тяжелый случай. Я имел опыт с болезнями, фобиями, психозами. Но тут приходится лечить характер. А характер человека, знаешь ли, это его бес. Так говорил Гераклит! Твой бес очень капризен!

РЕЖИССЕР. Чтобы выбить из моей дурной башки эту игру, он решил прибегнуть к крайним мерам. Я по дурости своей настаивал, чтобы меня положили в клинику. Доктор поначалу был категорически против этого, но тут вдруг со мной согласился и перестал отговаривать родителей. Меня оформили под чужим именем, как беспризорного мальчика. Он-то знал, что это продлится недолго. Все объяснил родителям, чтобы они «держались», что это такая шоковая терапия... Только я, естественно, ничего об этом не знал. Когда я зашел в отделение... Все. Началась дикая паника. Потому что то, что я там увидел... это было страшно... это... я не могу это вспоминать... Я подошел к медсестре и задал какой-то вопрос. Но она мне не ответила, она молчала. Она меня не видит, не слышит, как будто тут, в клинике, не может прозвучать внятное, разумное слово... Взяла меня за плечи и запихнула в палату. У меня началась дикая истерика. Я все понял... орал и умолял выпустить меня, но никто не слышал. Все. Теперь ты существуешь здесь. В психиатрической лечебнице. Оставь надежду навсегда.

АНУБИС (*бросает нож на кровать*). Ты должен убрать желание «играть в болезнь», и достать из себя желание «мне хорошо». Скажи сам себе: «я хочу, чтобы мне было хорошо»...

Анубис скидывает с себя шляпу, плащ, под плащом оказывается обнаженная женщина с головой шакала. Анубис ласкает Режиссера, запутывает его в своих объятьях. Это похоже на танец.

РЕЖИССЕР. Я там проторчал минут сорок, не больше, но они показались мне... Вечностью.... Адом... Лучше сразу сдохнуть. За окном все это время лил дождь. Грохотал гром. Мне казалось, что моя голова сейчас вспыхнет от блеска молний. А потом пришел доктор и сказал, что если я буду орать, плакать и выть, то меня не выпустят... ему не дадут на это разрешения... Вот тогда-то я и осознал всю жуть и деструкцию этой «запущенной игры»... Родители ждали меня внизу... оба серые. Я вылетел оттуда... дождь... я в носках... потерял тапочки... в какой-то бесцветной, отвратительной пижаме... Когда они привезли меня домой, я целовал стены... Я почувствовал, что я дома, меня любят... я нормальный... я больше не хочу в это играть и в этом жить...

Анубис накидывает на себя плащ, шляпу, пенсне и снова прячется в шкафу.

Дверца шкафа со скрипом закрывается.

Сцена снова наполняется светом. Режиссер и Знаменитая Актриса стоят рядом.

Актриса плачет. Молодой Артист отходит в сторону, чтобы скрыть слезы.

Режиссер пинает ногой лежащую на полу подушку.

СЦЕНА 5

Режиссер снова достает из кармана фляжку. Выпивает.

РЕЖИССЕР. Странное чувство! Я словно смотрю на свою жизнь со стороны! И не могу понять: то ли это я сплю и вижу во сне того запертого в психушку мальчика, то ли это он бредит и видит меня во сне! (Актрисе.) Теперь ты понимаешь, почему меня так взволновала твоя татуировка!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Дорогой! Ты никогда мне об этом не рассказывал! Если бы я знала, я бы набила себе что-нибудь другое! Ты на меня сердисься?

Актриса подходит к Режиссеру, берет за руку. Пытается обнять, но Режиссер отталкивает ее. Почему-то впадает в бешенство.

РЕЖИССЕР. Прочь! Не хватало еще твоей жалости!

Чехов выходит из шкафа, держа в руке маску Анубиса. Кладет маску на детскую кровать рядом с ножом. Усаживается в кресло-качалку.

ЧЕХОВ (иронично). Иногда люди спят на ходу, так вот и я говорю с тобой, а сам будто сплю и вижу все это во сне.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Дорогой, ты слишком много выпил! Тебе надо бы отдохнуть, а тут еще мы со своими вопросами! Пошли, не будем утомлять нашего маэстро!

Знаменитая Актриса и Молодой Артист направляются к выходу, однако Артист опрометчиво вступает в разговор.

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Да, это не срочно! Я просто хотел с вами поговорить!

РЕЖИССЕР. О чем?

Молодой Артист в замешательстве. Он произносит первое, что приходит ему на ум.

МОЛОДОЙ АРТИСТ. О Статуе Командора...

РЕЖИССЕР. О чем? Статуе Командора? А что с ней не так?

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Я играю в вашем спектакле Статую Командора!

РЕЖИССЕР. Ах, да! Я помню! Конечно! И в чем дело?

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Это не моя роль! Я ее не чувствую!

РЕЖИССЕР. Это статуя! Ее не нужно чувствовать!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Вы смеетесь! Ведь не вам же выходить на сцену!

РЕЖИССЕР. Мы играем этот спектакль уже четыре года! И всякий раз вас одаривают цветами! Чего же вам еще нужно?!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Да! И четыре года я мучаюсь!

РЕЖИССЕР. Но что вас так мучает? У вас ведь и слов-то почти нет! Вы прекрасно справляетесь!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Вот! В том-то и дело! У меня никогда нет слов!

РЕЖИССЕР. Ну, ради Бога! Вы и без слов великолепны!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Вранье! Вы все время врете! Я не хотел играть эту роль! Но вы меня уговорили! Обещали дать мне настоящие доспехи! И что?

РЕЖИССЕР. Ну, Бога ради! Перестаньте!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Вместо настоящих средневековых доспехов – вот! Вот! Вот это! (*Артист берет из реквизита бутафорские доспехи.*) Я ношу перешитый бюстгальтер вместо рыцарских лат! Покрасили в серебряный цвет чашечки от женских бюстгалтеров, как будто бы это наплечники и налокотники, и я четыре года ношу эту гадость!

РЕЖИССЕР. Ведь это же театр! Бедный театр! У нас нет денег на исторические артефакты!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Но ведь вы же обещали! Я всем друзьям рассказал, что буду играть в средневековых доспехах! Вы обманули меня! Я так больше не могу! Я отказываюсь от роли! Я вас ненавижу!

РЕЖИССЕР. Вы с ума сошли! Можно подумать, вы пришли к нам с Бродвея! Я нашел вас в кордебалете! Если не ошибаюсь, это была опера Вагнера, или что там еще, и вы рассекали в массовке на роликовых коньках! Какой-то кошмар! Слушать музыку было просто невозможно!

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Вы говорите о «Валькириях», но это моя лучшая роль, пусть и в массовке, критика очень высоко оценила эту постановку!

РЕЖИССЕР. Критика? Эти карманные писаки, прикормленные недоумки! Не встречал ни одного умного критика за всю свою жизнь! Одного я только что выпихнул отсюда взащей! Они думают лишь о том, как лучше подольститься к знаменитостям! И ни о чем больше!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ты несправедлив, милый! Твои спектакли газеты перестали расхваливать и возносить, вот ты и бесишься! Кстати, почему ты не сказал репортеру, кто будет играть главную роль в «Медее»?

РЕЖИССЕР. Не успел. Мы говорили на более отвлеченные темы.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. О чем он тебя спрашивал?

РЕЖИССЕР. Ну, ты же знаешь этих типов! Начал меня что-то пытаться о женщинах!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Твоя любимая тема! Странно, что вы не нашли общего языка!

РЕЖИССЕР. Мне всегда казалось, что для меня нет неподъемных тем! Раньше

я себя часто спрашивал: «тварь я дрожащая, или право имею?» На что я способен? Теперь я даже вопроса себе такого не задаю, чтобы не услышать ответ, который и так знаю. Я мельчаю вместе со всеми! (*После паузы.*) Все мельчает. Раньше люди строили пирамиды, рисовали «Джоконд». А теперь выдавливают на бумагу прыщи и называют это «актуальным искусством».

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Да, наверное, ты стареешь, раз тебе на ум приходят такие мысли!

РЕЖИССЕР. Знаешь что, милая, я хочу тебе кое-что сказать! Только пойми меня правильно! Ты совершенно не подходишь для этой роли! Ну какая из тебя Медея? Ты сама вульгарность! Я предпочел бы видеть тебя и твоего ухажера в массовке, в толпе коринфских гетер!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Ты бредишь? Я столько сил отдала этой роли!

РЕЖИССЕР. Я все понимаю, но твое место в кордебалете!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Но как же так?! Ведь ты говорил, что я вдохновляю тебя, что я твоя муза!

РЕЖИССЕР. Чего только не скажешь, чтобы затащить женщину в постель! Не будь такой наивной. Муза! Закулисные крысы – вот мои музы!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Какой же ты мерзавец! Я тебя ненавижу!

ЧЕХОВ. Ну вот, обидел женщину! Экий ты медведь! (*После паузы.*) Медведь? Где-то я это слышал! Эй, медведь, женщин надо любить, а не вступать с ними в философские дискуссии! Всему тебя надо учить!

РЕЖИССЕР (*Чехову*). Убирайся!

Знаменитая Актриса принимает эти слова на свой счет.

Берет Молодого Артиста за руку.

Отходит вместе с ним в сторону.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Посмотрим еще, чья возьмет! Я тебя уничтожу! Пьяная рожа!

РЕЖИССЕР. Не забудь свое подлинное лицо!

*Режиссер хватает с кровати маску Анубиса. Бросает ее в Знаменитую Актрису.
Голова шакала падает у ног Знаменитой Актрисы.*

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА (*готова упасть в обморок*). Ч-что?! К-как?!

У Знаменитой Актрисы начинается нервная истерика. Она хочет накинуться на Режиссера, но Молодой Артист ее удерживает и оттаскивает к выходу.

МОЛОДОЙ АРТИСТ. Это просто хамство! Я поговорю с директором о вашем поведении!

*Режиссер хватает лежащий на детской кровати нож,
замахивается на Молодого Артиста ножом Анубиса.*

*Из-за декораций на сцену вбегает Полицейский, в руке он держит пистолет,
направляет его на Режиссера. За спиной Полицейского испуганно прячется
Директор Театра.*

СЦЕНА 6

Полицейский резво впрыгивает в пространство между Режиссером и Знаменитой Актрисой, закрывая ее своей грудью. Направляет на Режиссера пистолет.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Бросьте нож! Я буду стрелять!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Значит, это правда! Пьяный дебош! Мне не хотелось в это верить!

Знаменитая Актриса подбегает к Директору Театра, кладет голову ему на плечо. Эффектно плачет, эффектно сморкается в платок.

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Я все слышал! Вам нет нужды мне что-то объяснять! Безобразие!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Мерзавец! Он хотел меня убить!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Ну-ну, успокойтесь, дорогая! Мы этого так не оставим!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*Режиссеру*). Ну! Я жду! Бросайте нож! Или я стреляю!

Полицейский целится в Режиссера. Палец его дрожит на спусковом крючке. Внезапно Режиссер взмахивает рукой и бьет себя ножом в самое сердце. Театрально падает на пол. Полицейский быстро прячет пистолет в кобуру, подбегает к Режиссеру, чтобы оказать ему первую помощь. Режиссер конвульсивно подергивает ногой, видимо, умирая.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА. Не верьте ему! Он притворяется!

ЧЕХОВ. На вас глядя, мухи мрут, и воздух начинает коптеть...

*Наконец, Полицейский замечает, что из груди у Режиссера торчит **сладкой** бутафорский нож. Полицейский выдергивает нож Анубиса, и на его мундир брызжет красный клюквенный сок. Полицейский отскакивает от лежащего на полу Режиссера. Тот встает на ноги, начинает беззвучно смеяться.*

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. У вас тут всегда так весело?

РЕЖИССЕР. Это же театр! Здесь никому нельзя верить!

ЧЕХОВ. Отец мой, Павел Егорович, считал, что театр – это дорога в ад. Не так уж и далек был от истины, как оказалось.

Полицейский вытирает мундир платком. Прячет платок в карман. Вертит в руках нож Анубиса. С интересом его рассматривает.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. На вас поступила жалоба! Сперва вы избили журналиста! Теперь нападение с целью убийства! Вам придется проехать о мной!

РЕЖИССЕР. О чем вы говорите? Это же муляж!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Это просто пьяный беспредел! Вы оскорбили нашу лучшую актрису! Какое счастье, что это случилось на глазах у полиции! (*Знаменитой Актрисе.*) Подождите у меня в кабинете, дорогая! Нас ждет серьезный разговор с господином Режиссером!

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА (*Полицейскому*). Я могу идти? Мне нужно привести себя в порядок!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да, конечно! Мы побеседуем с вами позже!

Молодой Артист заботливо берет Знаменитую Актрису под локоток.

ЗНАМЕНИТАЯ АКТРИСА (*театрально бросает Полицейскому*). Не верьте ни одному его слову!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не беспокойтесь! Второй раз он меня не проведет!

Знаменитая Актриса и Молодой Артист уходят. Полицейский кладет нож Анубиса на детскую кроватку. Замечает стоящее рядом с кроватью ружье.

Берет ружье в руки. Внимательно рассматривает.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Какое у вас ружье интересное! От настоящего и не отличишь!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Ну что вы! Это всего лишь реквизит! Весь этот хлам – это декорации сегодняшнего спектакля!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Эта гора мусора? Это такие декорации? Ну и ну!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. У нас сегодня «Иванов»! В постановке этого рецидивиста! Теперь вы можете себе представить, что творится у него в голове! А ружье – часть реквизита! Видимо, это наши умельцы поработали! Оно не заряжено! (*Смеется.*)

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*улыбается*). Раз в год даже незаряженное ружье стреляет!

РЕЖИССЕР. Вы правы! Оно сегодня выстрелит! «Если в первом акте в пьесе появляется ружье, то в последнем оно должно выстрелить!»

ДИРЕКТОР ТЕАТРА (*неестественно смеется*). Это из Чехова! Ха-ха! Маэстро шутит! Нам не нужны неприятности!

Директор Театра аккуратно берет ружье из рук Полицейского. Тот, не глядя, его отдает. Пристально смотрит на Режиссера.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Так что нам теперь делать, Маэстро? Пахнет тюремным сроком! Ваша потасовка записана на диктофон!

Полицейский достает из кармана диктофон Репортера. Включает.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА В ДИКТОФОНЕ. Заткни свою пасть! Гнида!

ГОЛОС РЕПОРТЕРА В ДИКТОФОНЕ. Да вы пьяны! Маньяк, ты мне выбил зуб! Отпусти меня! Идиот!

Полицейский выключает диктофон. Снова прячет его в карман.

РЕЖИССЕР. Ну перестаньте! Я и в самом деле немного сорвался! Но из этого не следует делать трагедию! Ведь никто же не пострадал!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Заявление написано! Мы не можем оставить его без внимания! Тем более, что пострадал журналист! Нам не нужны проблемы с прессой!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. На вас постоянно поступают жалобы! Артисты вами недовольны! Все устали от вашего диктата! Никто вас не понимает! Никто больше не желает с вами работать! Мы вынуждены с вами расстаться! Я буду только рад, если вас упекут в тюрьму!

РЕЖИССЕР. Актеры – это особенные люди, в них очень мало уже от самих людей, они наполнены сквозняками энергий, блуждающих в их душах и головах. И эти сквозняки нужно приручить, наполнить ими паруса, чтобы корабль двигался в нужном направлении. Тут не обойтись без жесткости! Ни дня не проходит без каких-либо курьезов!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Наверное, таковы все люди. Ходит человек на работу. Мило всем улыбается. Выезжает с семьей на природу! А потом вдруг выясняется, что он наильник или убийца! Никогда не знаешь, чего от людей ожидать!

Директор Театра кладет ружье к стенке. Подходит к Полицейскому.

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Полностью с вами согласен! Лучше не скажешь! Bravo!

ЧЕХОВ. Бывают люди, которые всегда говорят только умные и хорошие слова, но чувствуешь, что они тупые люди.

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Господин полицейский, вы имеете полное право расстрелять этого злодея прямо здесь! На сцене! Поверьте, все работники театра будут вам только аплодировать! И я даже сам готов держать его за руки, чтобы вы не промахнулись! Но могу я попросить вас об одном одолжении? Дело в том, что у нас сегодня премьера! И этот человек должен на ней присутствовать! Он обязан проследить за игрой актеров! Ну, а потом выйти на сцену, чтобы получить букет цветов, поклониться зрителям и все такое... Могу я попросить вас не арестовывать его прямо сейчас! Обещаю вам, что он никуда не денется! А завтра сам придет к вам в полицейский участок! И во всем покается! Я это вам обещаю!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А вы уверены, что он ничего больше не натворит?! У меня вот такой уверенности нет! Взгляните! Взгляд у него слегка безумный!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Ну что вы? Посмотрите на эту развалину! Он только и может, что бряцать бутафорским оружием! Ничтожество! (*Шепотом.*) У него недавно случилось несчастье, так что нам на многое приходится закрывать глаза! Грустная история, я вам позже расскажу!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*Режиссеру*). Так о чем ваш новый спектакль?

РЕЖИССЕР. О женщине, переживающей послеродовую депрессию! Если коротко!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Понятно! А могу я поприсутствовать на премьере? Сто лет не был в театре! Ну, и пригляжу за вашим хулиганом, если что!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Непременно! Вы будете сидеть в гостевой ложе! Пройдемте в мой кабинет, я угощу вас хорошим коньяком!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну что ж! Только из любви к искусству! Кстати, я бы хотел поближе познакомиться с той очаровательной дамой! Мне кажется, после всего случившегося ее нужно утешить! Бедняжке нужно отпереться на сильное плечо!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА. Уверен, лучшего защитника, чем вы, ей просто не найти!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Значит, завтра жду вас у себя в кабинете! Надеюсь, нам не придется заезжать за вами на машинах с мигалками!

ДИРЕКТОР ТЕАТРА (*шепчет Режиссеру*). Я все улажу! Только, умоляю, бога ради, ничего сегодня больше не вытворяй!

Полицейский и Директор Театра уходят со сцены.

Чехов машет им на прощание шляпой. Режиссер вспоминает о фляжке с коньяком.

Хочет выпить, но фляжка уже пуста.

СЦЕНА 7

Появляется Жена Режиссера. Она беременна. На ней мокрый плащ, волосы мокрые, как будто бы она только что вышла из-под ливня. Заметив ее, Режиссер вздрагивает, меняется в лице.

РЕЖИССЕР. Что ты здесь делаешь?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Странный вопрос! Пришла на твою премьеру! Ты не рад?

РЕЖИССЕР. Ты вся мокрая! Ты заболеешь! Почему ты без зонта?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Ерунда! Теперь мне ничего не страшно!

Режиссер подходит к Жене. Обнимает ее. Затем становится перед Женой на колени. Кладет голову на ее беременный живот.

РЕЖИССЕР. Но это вредно для ребенка! Разве не лучше тебе быть дома?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Перестань разыгрывать из себя заботливого мужа и отца! В этой роли ты не очень убедителен! И о каком доме ты говоришь?

ЧЕХОВ. Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем при том нечто, принижающее ее до мелкого, слепого, этакого шершавого животного. Во всяком случае, она не человек.

РЕЖИССЕР (Чехову). Заткнись! Еще раз пикнешь, и я разможжу твою голову прикладом ружья!

ЧЕХОВ. Как ты смешон! Впрочем, умолкаю! Разбирайтесь сами!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Ты ведь так любил Чехова! Что же ты теперь на него кидаешься?

РЕЖИССЕР. Ты что, не понимаешь? Ведь это же черт! Черт! Это никакой ни Чехов!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Оставь его в покое! Я не о Чехове хотела с тобой поговорить!

РЕЖИССЕР. О чем же?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Отпусти меня! Ничего уже не вернуть!

РЕЖИССЕР. Ты будешь смеяться, но я не знаю, что мне делать?! Я говорю с тобой, но ты уже так далеко! Я не знаю, как мне тебя вернуть!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. И поэтому ты решил поставить «Медю»? Хочешь мне отомстить?

РЕЖИССЕР. Я не буду ставить «Медю»! У меня нет актрисы на главную роль!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Отпусти меня! Ты сам всегда от меня отдалялся, так что же ты теперь удивляешься, что я не с тобой? Даже когда я носила нашего ребенка, ты все время оставлял меня одну! Тебя никогда не было рядом, когда ты был нам нужен! Этого уже не исправить!

РЕЖИССЕР. Мне было страшно, и я не хотел, чтобы мои чувства передавались тебе и ребенку. Это было какое-то наваждение!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Что? О чем ты говоришь?

РЕЖИССЕР. Ты была уже на поздних месяцах беременности. Однажды я увидел во сне нашу малышку. Я увидел ребенка внутри тебя, это была девочка, она тихим голосом мне сказала: «Ты меня пугаешь!» Это было так страшно. Это было какое-то сумасшествие!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Перестань! Я не могу, не могу этого слышать!

РЕЖИССЕР. Знаешь, я очень тебя любил, и даже не заметил, когда наша совместная жизнь превратилась в ад. Но зато я хорошо помню, как все дошло до самого дна. Это связано не только с изменами...

ЧЕХОВ. Человек такая простая и немудреная машина...

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Слышишь? Все это так банально! И наши страдания! И наши измены! Давай оставим этот разговор!

РЕЖИССЕР. Нет, я должен тебе рассказать. Ты не простишь меня, конечно, но, возможно, мне станет легче. Это было, когда мы решили немного друг от друга отдохнуть, и ты улетела куда-то, не помню уже куда, неважно. Все это время я беспробудно пил и мало что помню! А потом я встречал тебя в аэропорту, рейс по каким-то причинам задерживался на несколько часов. Я сидел в баре, пил, вот как сейчас, коньяк... *(Хочет выпить, но фляжка пуста.)* Черт! И знаешь, чего я больше всего в тот момент хотел?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Чтобы самолет вместе со мной рухнул в море!

РЕЖИССЕР. Да. Именно этого. Поэтому мне так трудно с тобой расстаться, что ты, как никто, меня понимаешь! Тебе не нужно ничего объяснять!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Если ты долгие годы живешь с психопатом, то поневоле многому научишься! Становится понята даже безумная логика! Я именно поэтому и хочу от тебя избавиться как можно скорее! Я не хочу больше заглядывать в твои темные бездны, не хочу больше жить в них! Поэтому я и решила уйти от тебя! Раз и навсегда!

РЕЖИССЕР. И когда тебе впервые пришла эта мысль?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Ты будешь смеяться! В том самом самолете, который ты мечтал утопить в море! Тогда я и решила все кончить одним разом! Вероятно, безумие так же заразно, как герпес! Мы с тобой думали об одном и том же!

РЕЖИССЕР. Расскажи, как это произошло? Случайность?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Нет, это не была случайность! В ту ночь шел дождь. Молнии царапали небо ледяными вспышками. И тени прыгали по полу и потолку. Тебя, как всегда, не было дома. Мы сидели вдвоем в темной комнате. Я и наша малышка внутри меня. Мне казалось, что она плачет. Сама я плакать не могла. Время от времени девочка била меня ногой в живот, и от ее ударов сердце мое сжималось все сильнее и сильнее. Мне стало так плохо, что я решила выйти на балкон, чтобы не задохнуться. И тут мне захотелось оседлать молнию, захотелось спрятаться в потоках ливня. Наступило ослепление, и мы взлетели. Наконец-то я от тебя освободилась.

РЕЖИССЕР. И даже наш ребенок тебя не остановил! Как же нужно было меня ненавидеть! И ты все эти годы жила с этой ненавистью?

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Все эти годы! Так и жила! С ненавистью! Когда ты это понял?

РЕЖИССЕР. Только что.

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. И ты столько лет ни о чем не догадывался?

РЕЖИССЕР. Нет.

*Жена Режиссера достает из-под свитера подушку, делавшую ее живот округлым.
Бросает подушку под ноги Режиссеру.*

РЕЖИССЕР *(Кричит)*. Нет!

Режиссер падает на колени перед подушкой. Прижимает ее к груди.

ЧЕХОВ. Жизнь, по сути, очень простая штука и человеку нужно приложить много усилий, чтобы её испортить. Воздух застыл от тоски...

РЕЖИССЕР. Все это похоже на пошлый водевиль! Теперь я понимаю, почему Чехов называл свои пьесы «комедиями»! И теперь мне понятно, почему ты его видишь! Ты с ним заодно! Ты – оборотень!

ЧЕХОВ. Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него.

РЕЖИССЕР. Ты прав! Ружье должно выстрелить!

*Режиссер подходит к ружью, стоящему возле бутафорской стены.
Берет ружье в руки. Перезаряжает его. Целится в Жену.*

ЖЕНА РЕЖИССЕРА. Прекрати паясничать! Это становится уже невыносимым!

РЕЖИССЕР. Театр – жуткое место! Тут призраки оживают, а люди становятся теньями! Если ты идешь в театр, не забудь запастись святой водой и серебряными пулями! Ты – оборотень! Сгинь!

ЖЕНА РЕЖИССЕРА (*подавляя слезы*). Ты никогда не изменишься! Я не хочу тебя больше видеть! С меня достаточно! Я устала!

*Жена Режиссера убегает со сцены. На сцене гаснет свет.
Режиссер стреляет в темноту.*

СЦЕНА 8

Через секунду на сцене снова загорается свет. Режиссер выходит из-за декорации, держа в одной руке ружье. В другой он держит за хвост дохлую крысу. Смеется неприятным смехом. После выстрела на сцену вбегают Шекспир и Беккет. Испуганно размахивают руками. Подбегают к притихшему Чехову. Щупают, цел ли он?

БЕККЕТ. Что за выстрел? Кто стрелял? Кто кого прикончил?

ШЕКСПИР. Уф, как же я перепугался! Из всех низких чувств страх – самое низкое...

ЧЕХОВ. Стрелял наш друг! Но он всю жизнь промахивается, так что нет повода для беспокойства! Это не тот человек, что может попасть в цель!

РЕЖИССЕР (*Чехову*). Твой Треплев пристрелил чайку, я – крысу! Разве это не забавно?!

ЧЕХОВ. Одного вдохновляют чайки, другого – крысы! И что такого?

*На сцене появляется Уборщица. В руке у нее ведро и швабра с мокрой тряпкой.
Уборщица подходит к Режиссеру.*

УБОРЩИЦА. Бросай крысу в ведро! Нечего размахивать этой гадостью! Хочу немного протереть! Зритель уже в фойе!

Режиссер послушно бросает крысу в ведро. Отходит в сторону.

УБОРЩИЦА. А у меня сегодня день рождения! Сейчас уберу и пойду домой! Меня семья ждет! Внучки!

РЕЖИССЕР. Поздравляю! Поднял бы за вас бокал, да нечего выпить!

УБОРЩИЦА. Ну, это мы исправим! Или мы не в театре?

Уборщица достает спрятанную за лестницей бутылку вина и пластиковые стаканчики. Наливает себе и Режиссеру.

РЕЖИССЕР. За вас! Будьте счастливы!

УБОРЩИЦА. А я счастлива. У меня две внучки. Близняшки. Обожаю их. Одна сегодня вишневый пирог испекла и цветными карандашами мой портрет нарисовала. Вот! Полюбуйся! Что намалевала!

Уборщица достает из кармана фартука свернутый лист бумаги. Протягивает детский рисунок Режиссеру.

РЕЖИССЕР. Похоже.

УБОРЩИЦА. Хватит врать! Сплошные каракули! Разве в этом дело?

РЕЖИССЕР. Вполне современно. Сейчас все так рисуют.

Режиссер возвращает Уборщице лист бумаги. Выпивает. Уборщица еще раз внимательно рассматривает каракули внучки.

УБОРЩИЦА. Да? Ну, может быть! А вторая внучка спела песню. У нее с рождения церебральный паралич. Она у нас не ходит. Не разговаривает. А спела так, что я прослезилась. Без слов, понимаешь? Ведь чтобы любить, не нужны слова, правда? Я ее еще больше здоровой люблю. Так, бывает, сидим рядом и молчим. Смотрим друг на друга, и слезы сами откуда-то появляются! Ты меня понимаешь?

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. Внимание! Первый звонок! Артисты, занятые в спектакле «Иванов», спуститесь, пожалуйста, на сцену! Повторяю! Артисты, занятые в спектакле «Иванов», спуститесь, пожалуйста, на сцену!

За кулисами слышатся голоса входящих в зал зрителей. Звучит мелодия первого звонка. Люди рассаживаются по своим местам.

УБОРЩИЦА. Ух ты! Уже первый звонок! Ну, заболтались!

Уборщица прячет бутылку на прежнее место. Хватает швабру. Начинает торопливо протирать сцену. И что-то тихо бормочет.

РЕЖИССЕР. Чтобы любить, не нужны слова!

ШЕКСПИР. Слова, слова, слова!

БЕККЕТ. Последнее из последних времен, когда есть слова.

ЧЕХОВ. Уходить от людей – это самоубийство.

РЕЖИССЕР. Жизнь прошла, много жертв было принесено театру, сцене, которая так беспощадна, что мне самому на старости лет раскрыла глаза на то, что я – бездарность! Сцена, как магический портал, сама выстраивает тот спектакль, кото-

рый ей хочется явить миру! Она перерабатывает все, с чем соприкасается, любой материал, и человеческий, и литературный! И в итоге будет спектакль, если она этого пожелает! Случится чудо! Или не случится, если ты чем-нибудь это магическое пространство обидел, чем-то сцене не угодил!

Режиссер берет в руки ружье. Перезаряжает его.

РЕЖИССЕР. Оно все-таки выстрелило! И если оно выстрелило раз, то почему бы не?..

Режиссер садится в кресло-качалку. Снимает с себя обувь. Носки. Дотягивается пальцем ноги до курка. Пробует вставить ствол ружья в рот. Подавляет рвотные позывы. Начинает хрипло кашлять.

УБОРЩИЦА (*замечает, что делает Режиссер*). Все никак не наиграешься! Голова седая, а все туда же! Эх, баловник! Знала бы, что ты такой, не наливала бы тебе!

Уборщица забирает у Режиссера ружье, вешает на гвоздь, вбитый в бутафорскую стенку, смахивает с ружья пыль. Продолжает шваброй тереть сцену и что-то чуть слышно бубнит себе под нос.

УБОРЩИЦА. Это ужасно! Такая молодая! Выпрыгнуть беременной из окна! Это ужасно! На это надо решиться! Довел, наверное! Все они такие! Эти гении! Только себя одних и любят! А на людей наплевать! После них сцену нужно святой водой окроплять! Мою, мою эти подмостки каждый день! Вот уже тридцать лет корячусь! Выметаю мерзость! А они как соберутся, как начнут друг друга поливать грязью! И опять загажено! Дышать нечем! Бедная женщина! Натерпелась, наверное! А может, это только слухи? Болтают наши сплетники? Их тут хлебом не корми, дай только кому-нибудь косточки перемыть! Своей жизни им мало, без конца других обсуждают! Врут, наверное!

ЧЕХОВ. Может быть, нам только кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет?

ШЕКСПИР. Мы созданы из вещества того же, что наши сны, и сном окружена вся наша маленькая жизнь!

БЕККЕТ. Возможно, это пребывание в актерской среде так оглуляет и опустошает душу!

РЕЖИССЕР. Сцена, конечно, магическое пространство, но любая магия требует жертв. Иногда – человеческих.

УБОРЩИЦА. С кем ты там болтаешь?!

РЕЖИССЕР. Тут призраки! Хорошо, что ты их не видишь!

УБОРЩИЦА. Гони их мокрой тряпкой! Я уже заканчиваю! Ты еще слишком молод! Не трать время на ерундовые мысли!

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. Внимание! Второй звонок! Артисты на месте! Всем приготовиться! Повторяю! Второй звонок! Артисты на месте! Приготовиться!

Гул зрительских голосов за кулисами усиливается. Звучит мелодия второго звонка. Из «предбанника» доносятся голоса артистов.

РЕЖИССЕР. Вот и еще один день прошел мимо меня. Остается все меньше и меньше времени для того, чтобы жить! Для чего были все эти жертвы? Для чего я потерял столько лет, потерял столько людей, от скольких радостей отказался?! Ради театра, ради сцены? Но я ведь вижу теперь ясно, что ничего нового я не создам! Ничего выдающегося создать я не способен! Что я могу создать?! Заурядность! В лучшем случае, чепуху, безделушки для обывателей, ни в чем не смыслящих и ничего не чувствующих, кроме пошлости, кроме банальности, да и то, если только им расскажут, что это модно или оригинально!

ЧЕХОВ. Когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего. Тебя это расстраивает? Пугает?

РЕЖИССЕР. Нет, уже не расстраивает, и не пугает. *(После паузы.)* Безразлично.

ЧЕХОВ. Ты смирился.

РЕЖИССЕР. Можно и так сказать.

ЧЕХОВ. Ты сломлен? Уничтожен?

РЕЖИССЕР. Пожалуй, да.

ЧЕХОВ. Замечательно. Я знал, что этим все и закончится. Не ты первый, не ты последний. Теперь я могу идти.

РЕЖИССЕР *(вздрыгнув)*. Ты уходишь? Оставляешь меня?

ЧЕХОВ. Не думал же ты, что мы будем вечно отираться друг возле друга?! Есть у меня дела и поважнее, приятель! Надоел ты мне! Пойду искать себе другого психопата! Теперь ты мне не нужен! Салют!

РЕЖИССЕР. Прекрасно! Ты мне тоже порядком поднадоел со своей шляпой! Возвращайся в ад! Там тебе место!

ЧЕХОВ. Злюка. Прощай же!

РЕЖИССЕР. Проваливайте! Убирайтесь ко всем чертям! Пошли вон!

Режиссер подбегает к Уборщице. Вырывает у нее из рук швабру и, размахивая ею, выгоняет со сцены Чехова, Шекспира и Беккета.

РЕЖИССЕР. Прочь, кривые тени! Прочь! Осточертели мне пучки мутных снов! Театр мерцающей глупости! Мне пора вернуться к людям! К реальной жизни! В этом страшном мире, ничего нам не обещающем, кроме смерти, мы должны уметь радоваться каждому подаренному нам мгновению! Нет ничего ценнее жизни! Нет ничего, кроме жизни!

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА. Внимание! Третий звонок! Приготовились! Занавес!

Уборщица покидает сцену. Режиссер остается один. Садится на сцену. Надевает носки. Туфли. Тихо плачет. Ружье на гвозде выстреливает. Начинает звучать музыка начала спектакля.

(ЗАНАВЕС ОТКРЫВАЕТСЯ)